

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В.А. КОЗЛОВ

Крамола: инакомыслие в СССР во времена Н. Хрущева и Л. Брежнева

**(По материалам Верховного суда и
Прокуратуры СССР)**

Статья 1

Что такое крамола?

В августе 1974 года журнал "Посев" опубликовал интервью с писателем и поэтом-бардом А. Галичем, только что эмигрировавшим из Советского Союза. В числе прочих был задан вопрос о диссидентах. Отвечая, Галич заметил, что формула "диссиденты", так же как и ее русская версия "инакомыслящие", ему не очень нравится. В качестве альтернативы он предложил термин "резистанс" ("своего рода сопротивление") [Галич, 1991, с. 177, 178]. Закончил же писатель весьма интересным для нашей темы рассуждением о "молчаливом резистансе" - десятках и сотнях тысяч людей, чьи настроения и поступки составляли фон, на котором развертывалась деятельность активных диссидентов. Без этого фона инакомыслие просто не могло существовать.

Я бы не стал, подобно Галичу, слишком уж критически относиться к выразительному русскому слову "инакомыслящий", тем более менять его на "резистанс". Использование понятия из словарного набора другой культуры способно исказить восприятие во многом уникального советского явления. Однако за высказыванием писателя бесспорно стояла проблема. Он, вероятно, почувствовал этимологическую узость таких самоназваний, как "инакомыслящий", "диссидент", их временную, географическую и социальную локальность (в конце 1960-х-1970-х годов - небольшая группа в основном столичной интеллигенции, занятая полулегальной правозащитной деятельностью и "самиздатом"). Галич интуитивно уловил наличие каких-то иных схожих фактов социальной и культурной реальности, к которым эти слова явно не подходят. Возможно, такие явления в принципе не имеют самоназваний.

В самом деле, трудно назвать диссидентом и инакомыслящим недовольного зарплатой рабочего, напившегося с горя и назвавшего И. Сталина сволочью, Н. Хрущева свиньей или Л. Брежнева болваном. Точно так же трудно считать диссидентской деятельность, связанную, например, с распространением антиправительственных листовок и подметных писем, тем более создание подпольных организаций, например маоистского, фашистского или сталинского толка. Правозащитники 1960-х-1970-х годов, принципиально осуждавшие "подпольщину", вряд ли идентифицировали бы себя

Козлов Владимир Александрович - кандидат исторических наук, заместитель директора Государственного архива РФ.

с подобными движениями или, на худой конец, снабдили бы эту **самоидентификацию** множеством оговорок.

Интересно, что в третьем издании "Словаря русского языка" С. Ожегова, подписанном в печать через неделю после смерти Сталина, слово "инакомыслящий" (имеющий иной образ мыслей) было отнесено к числу устаревших [Словарь... 1953, с. 216]. Жестокая эпоха, уходящая вместе с диктатором, породила новые выражения для обозначения людей с альтернативным образом мысли (например, широко вошедшее в обиход сразу после Октябрьской революции словосочетание "враг народа"). Умерший тиран, казалось, оставлял своим политическим наследникам общество, настолько "прополотое" чистками и массовыми репрессиями, что в этом "идеологическом монолите" трудно было найти место инакомыслию и инакомыслящим. Тогда, на заре эпохи "либерального коммунизма", вряд ли можно было себе представить, что спустя 15 лет слово "инакомыслие" станет расхожим и общепотребительным, а обозначать оно будет новое (возрожденное?) явление постсталинской общественной жизни.

Однако "инакомыслие" оказалось в конце концов самоназванием разнородного движения столичной интеллигенции, на участников которого практически невозможно наклеить универсальную идеологическую этикетку: так много индивидуального привносил в движение каждый. За пределами этого привлекательного понятия оказался гораздо более широкий слой реальности, который Галич как раз и попытался очень неточно определить как "молчаливый резистанс" и которому, может быть, больше подходит архаичное русское слово "крамола" - со всей многослойностью и множественностью выраженных в нем культурных смыслов. Этому слову не суждено было возродиться в языке 1950-х-1980-х годов. Но стоящие за ним исторические аллюзии и ассоциации - "возмущение, мятеж, смута, измена, оковы, лукавые замыслы" [Даль, 1989, с. 184] (особенно "лукавые замыслы") - очень точно отражают подозрительное отношение правящего коммунистического режима к образу мысли своих подданных. Другими словами, крамола - это *не самоназвание* той или иной группы инакомыслящих, а *квалификация властью* традиционной для России ситуации противостояния народа и правительства, оценочное суждение политической элиты, ее сторонников и приспешников о своих реальных или потенциальных противниках. В этом, собственно говоря, и состоит российская специфика термина. Разномыслие, органичное и приемлемое для любой демократической страны, превращается в крамолу только благодаря специфическому отношению властей к различиям во взглядах. Нет этого отношения - нет и крамолы как культурно-политического явления. Все, что не находило себе места в легальной культуре советского общества, интерпретировалось в категориях измены, предательства, смуты, а на худой конец проходило по разряду подозрительных и смутьянских "лукавых замыслов".

Патриархальные представления о крамоле, во многом определявшие отношение властей и их бюрократического аппарата к инакомыслию, вполне сочетались с политической прагматикой режима. Опасными для них были не столько альтернативные идеи сами по себе, сколько сами прецеденты свободного высказывания любых мыслей, пусть даже и вполне марксистских. Для коммунистических властей фактически не существовало идеологических вариаций и оттенков, так же как и тактики их мотивированного приятия или отвержения, "дружественных" и "недружественных" идеологических конструкций.

В свое время на вопрос: «Какой уклон от "генеральной линии" партии хуже - правый или левый?», - Сталин ответил: "Оба хуже". В этом высказывании, достойном Козьмы Прутковка, - квинтэссенция отношения власти к внутренней крамоле. Для нее, власти, важна не политическая и идеологическая окраска "уклона", а сам факт его существования. Допущение "уклонов", неважно каких, было чревато гибелью режима. Чтобы понять это, достаточно вспомнить о предыстории краха коммунизма в СССР. Политически и идеологически коммунизм рухнул не потому, что его разрушила либеральная критика. Он всего лишь допустил политическое разномыслие как таковое,

открылся для ударов монархистов, либералов и социалистов, т.е. совершенно разных идеологических течений. Эти течения ни на минуту не переставали враждовать друг с другом, но приложили все силы для того, чтобы сделать свой конфликт легальным, а значит - уничтожить "коммунизм" как особый тип власти, категорически запрещающий инакомыслие.

Так что в далекие 1920-е годы Сталин не просто блеснул в очередной раз своим мрачноватым юмором. Его инстинкт политического самосохранения вновь оказался непогрешимым. Вполне религиозное, точнее - сектантское, отношение коммунистов к инакомыслию как к ереси допускало на каждый данный момент только одну-единственную интерпретацию Истины, требовало утвержденных Политбюро списков героев и врагов, подробных перечней "плохих" и "хороших" исторических событий и даже научных открытий.

Поэтому и оказались в фондах Верховного суда и прокуратуры документы по поводу совершенно разных событий. Это сведения об античеченских высказываниях русских жителей города Грозного - и об антирусских выступлениях чеченцев, о судебных приговорах за "проявления" русского шовинизма и антисемитизма - и за "сионистскую пропаганду", материалы с коммунистической ("ревизионистской") - и с фашистской критикой правящего режима. На основании одних и тех же статей Уголовного кодекса были осуждены и оказались в тюрьмах и лагерях ярые защитники "подлинного ленинизма" и апологеты монархии, сторонники идей "капиталистического возрождения" и критики коммунистической бюрократии за выпестованный ею "дачный капитализм" и привилегии. Выступая с политическими заявлениями без санкции ЦК КПСС, эти люди выступали и против власти как таковой, они покушались на ее монополию политического суждения, а потому их следовало раздавить, уничтожить или, по крайней мере, "призвать к порядку".

Когда долго читаешь такие документы, убеждаешься в том, что идеологические мотивы играли в судебных преследованиях инакомыслящих важную, но не определяющую роль. Можно ли считать целью судебных или полицейских преследований подавление антикоммунистических настроений и идей, если вариации на социалистические и марксистские темы - при малейших отступлениях от принятых на данный момент официальных толкований - также подлежали беспощадному искоренению? Признала партия чеченцев народом-преступником, пожалуйста, ругай их, сколько хочешь, еще и похвалят за это, реабилитировала - молчи и соглашайся. Иначе - тюрьма. Ведет государство "полуобъявленную" войну с евреями после дела Еврейского антифашистского комитета или "дела врачей", • ты можешь ругать евреев безнаказанно, закончилась кампания - утихомирься, анекдоты рассказывай, а громко не ори.

Власть преследовала "внережимность", "внесистемность" своих подлинных и мнимых оппонентов, их нежелание или неумение вписаться в эталонные рамки "законопослушного гражданина". Следственная практика некоторых областных управлений КГБ иногда доводила эту общую линию до кристальной абсурдности. Как сообщил Н. Петров (общество "Мемориал"), в 1961 году в приказе КГБ при Совете Министров СССР содержалась критика начальника Управления КГБ по Рязанской области. Тот дал указание о розыске и преследовании авторов анонимных писем, не содержавших абсолютно никаких "антисоветских измышлений", но сообщавших о злоупотреблениях и коррупции в области. Так на местах была воспроизведена общая логика действий номенклатурной системы, защищавшей не столько идеологические ценности социализма, сколько свою монополию на власть. Репрессии должны были воспитать в людях "идеологическую дисциплину", готовность если не думать, то хотя бы говорить по приказу ЦК КПСС или, по крайней мере, молчать.

"Идеологическая всеядность" власти при выборе объектов репрессий вполне сочталась с тем, что для противников и критиков режима идеологическая форма конфронтации с властью часто оказывалась делом случая. Отличительной особенностью большинства массовых оппозиционных высказываний был эклектизм взглядов и идей.

Большая часть критиков правящего режима вплоть до середины 1960-х годов могла парадоксально сочетать элементы любых идеологий. И для власти, и для ее противников в конечном счете существенными оказывались не идеологические фетиши, а сам факт конфронтации. Легальной, организованной и сознательной оппозиции, разгромленной в 20-е годы XX века, так и не суждено было возродиться даже в нелегальных формах. Исключение составляли некоторые националистические подпольные организации и, отчасти, диссидентское движение.

Российская историография 1990-х годов: болезнь "диссидентоцентризма"

Особенностью подавляющего числа существующих публикаций и исследований по истории крамольного сознания и крамольной деятельности в СССР является их очевидный "диссидентоцентризм" и слабый интерес к не менее, если не более значимым явлениям "крамолы". Вся история народного сопротивления режиму со смерти Сталина вплоть до начала 1960-х годов фактически рассматривается как "недоразвитое диссидентство". Все параллельные собственно диссидентскому движению 1960-х-1970-х годов формы антиправительственной деятельности либо сливаются с ним, либо игнорируются (например, локальные подпольные группы, "листовочки", анонимщики, "осквернители" и просто авторы антисоветских высказываний).

К числу "диссидентоцентристских" работ следует отнести и солидное исследование Л. Алексеевой "История инакомыслия в СССР"¹ [Алексеева, 1992], и обзорные книги и статьи участников диссидентского движения или близких к ним авторов [Безбородое, 1998; Гозман, Эткин, 1989; Даниэль, 1993]. Из зарубежных работ последнего времени, несколько расширивших горизонты понимания советского инакомыслия, следует отметить монографию В. Шляпентоха [Shlapentokh, 1990]. Историографическая мода на диссидентов в конце концов привела к тому, что "первые правозащитные организации" стали находить даже в эпоху гражданской войны [Первые... 1995], что представляет собой совсем уж неисторическое использование достаточно конкретного термина.

В общем-то у историков и не было возможности выйти в своих работах далеко за рамки истории диссидентов и довольно узкого околодиссидентского слоя столичных интеллектуалов. Хрущевский и брежневский режимы весьма преуспели в утаивании сведений о своих противниках и недоброжелателях. Современным историкам практически нечего сказать о нападках на Хрущева со сталинистских или маоистских позиций, о националистическом подполье в России и союзных республиках, фашистских молодежных организациях. Мало изучен и феномен растущей неприязни населения СССР к "популисту" Хрущеву в первой половине 1960-х годов (многообразные и многочисленные формы народного негодования далеко не исчерпываются событиями в Новочеркасске летом 1962 года, довольно широкое распространение получили, например, угрозы террористических актов в адрес потерявшего популярность лидера).

После 1991 развернулась более или менее систематическая исследовательская, источниковедческая и публикаторская работа. Одним из центров изучения инакомыслия в СССР стало общество "Мемориал", активно разрабатывающее историю политических репрессий, в том числе и в послесталинское время. В сборниках общества уже появились высокопрофессиональные исследования по истории репрессивной политики конца 1950-х - начала 1960-х годов [Паповян, Паповян, 1996; Паповян, 1996]. Началась работа по собиранию документов участников правозащитного движения. Пиком таких публикаций в широкой печати был 1992 год, когда власти готовили так называемый "суд над КПСС".

¹ Впервые опубликованная в 1984 году на английском языке, в 1992 году эта книга стала доступной и русским читателям.

Публикаторы первой половины 1990-х годов сосредоточились, естественно, на самых ярких именах и легендарных событиях. В центре внимания оказались преследования известных правозащитников и инакомыслящих (А. Сахаров и Е. Боннэр, А. Солженицын, П. Григоренко, М. Ростропович и Г. Вишневецкая), кампании идеологических "проработок" и запугиваний интеллектуалов ("дела" А. Некрича и И. Бродского, травля редакции журнала "Новый мир"), политический надзор и контроль за известными деятелями советской культуры, легендарные случаи открытых выступлений протеста (например, "митинг гласности" на Пушкинской площади в декабре 1965 года).

Существенным шагом за рамки уже становившегося традиционным "диссиденто-центризма" стало издание некоторых служебных документов ЦК КПСС, докладных записок и справок КГБ о реакции населения на те или иные политические события. Однако недиссидентская или додиссидентская крамола осталась практически не изученной. Социально-психологический портрет "массового антисоветчика" неясен и размыт. Тактика его оппозиционного поведения, обычно спонтанная и ситуативная, речевые тропы, идеологические ориентации и жизненный путь неизвестны историкам. Подобные люди не оставили своих мемуаров и не создали мифов о себе, не эмигрировали на Запад и не написали (да и не могли написать) собственной истории. Они либо снова растворились в человеческих массах, либо безвестно сгинули где-то в исправительно-трудовых лагерях и колониях. Но именно эти "крамольники" составляли подавляющее, абсолютно большинство осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду в 1950-е-1960-е годы.

Для того, чтобы пояснить мое отношение к современному уровню знаний об оппозиции коммунистическому режиму, приведу только одну иллюстрацию. Все помнят открытый протест группы московских диссидентов на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию в 1968 году. Между тем в делах отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР автором было найдено еще 23 дела с информацией о различных "антисоветских проявлениях" (листовки, анонимные письма, устные высказывания в тесном кругу друзей и публично) в связи с тем же событием. И речь идет только о делах, дошедших до суда. А сколько еще людей было "профилировано" или посажено в "психушку". Одним словом, пока историки будут иметь дело только с яркими символическими примерами, наше понимание эпохи "либерального коммунизма" рискует остаться в плену мифов и антимифов, созданных самой эпохой.

Простонародная критика режима, вообще говоря, гораздо более адекватно отражала традиционные паттерны российской антивластной оппозиционности. Именно эти смутные; и эклектические, патриархальные и уравнилельные идеи сыграли может быть, не меньшую, если не большую роль в крушении "советского коммунизма", чем интеллигентизм диссидентов с его изысканными, но малопонятными простому народу идеями изменения общества и власти. Под напором простонародных¹ настроений закатилась политическая звезда М. Горбачева, они же оказали существенное влияние на эволюцию постегорбачевской демократии в сторону современного политического строя. Эти же живучие идейно-психологические конструкции, пропитанные антибюрократизмом, примитивным эгалитаризмом, национализмом, тоской по государственному патернализму, наивной верой в возможности немедленного и быстрого "улучшения жизни" по заранее составленному плану, составляют фон большинства современных оппозиционных течений.

Я попытаюсь отойти от узкого взгляда на историю взаимоотношений народа и власти в годы "либерального коммунизма", от провиденциалистской трактовки оппозиционности 1950-Х-1980-Х годов с точки зрения ее "диссидентской полнотности". Не следует трактовать архаичные в традиционные, но и более массовые формы оппозиционности как "зародыш", "предтечу", "провозвестника" диссидентского движения. По сути, подобный принцип описания представляет собой парафраз советской историографии революционного движения в России. Эта историография

верноподданнически оценивала большевизм как некую идеальную завершенную форму. Все остальные политические течения (добольшевистские или современные большевизму) воспринимались с позиций их соответствия или несоответствия "высшему эталону". Все революционеры, кроме В. Ленина, постоянно чего-то недопонимали - и декабристы, и А. Герцен, которого они "разбудили", и народники, и эсеры.

Диссиденты - не "высшая фаза" в развитии оппозиционности (такой "высшей фазой" можно было бы объявить скорее троцкизм 1920-х годов), а лишь одна из форм этой оппозиционности, может быть и не такая важная для народного самосознания по сравнению с некоторыми другими. Исследователям необходимо попытаться поместить все формы оппозиционности коммунистическому режиму в адекватный исторический контекст и, не прибегая к прямолинейным историографическим упрощениям, воспроизвести сложность реальной жизни, которая не признает ни законченных форм, ни идеальных "воплощений".

Назорные производства Прокуратуры СССР как энциклопедия советской крамолы

К счастью, сама власть "позаботилась" о том, чтобы "задокументировать" деятельность своих крамольных критиков. Речь идет о документах отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР. В работу по их анализу наряду с автором статьи включились директор Государственного архива РФ С. Мироненко и ведущий специалист ГАРФ О. Эдельман. В течение трех лет было просмотрено было 70 тысяч дел за 1953-1985 годы и выявлено более 4,5 тысяч случаев судебного преследования за крамолу. Для того, чтобы показать репрезентативность использованных источников, приведу несколько цифр. По данным КГБ, в 1957-1985 годах за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй, было осуждено 8124 человека [Источник, 1995, с. 151]. В составленной нами базе данных за тот же период зафиксировано 2955 индивидуальных и 531 групповых дел (приблизительно на 1900 человек²). Всего, таким образом, мы имеем сведения о 4855 "крамольниках", что составляет около 60% от общего числа осужденных.

Сразу оговорюсь, что статистика судимости более или менее корректно отражает ситуацию второй половины 1950-х и отчасти начала 1960-х годов, когда практически каждый выявленный "антисоветчик" попадал под суд. После изменений в карательной политике властей в 1960-е-1980-е годы, когда широко распространенной стала практика "профилактирования", т.е. официального предупреждения за мелкие нарушения органами КГБ, количество осужденных резко пошло на убыль.

При этом, определяя порядок ведения судебных документов и надзорных производств, высшее юридическое "начальство" заботилось не об интересах будущего исследователя, а об идеологической неприкосновенности режима. Поэтому ряд директив запрещал цитирование антисоветских высказываний в судебных и прокурорских документах [ГАРФ, оп. 31, д. 87563а, л. 11]. Действовала целая система запретов и табу на упоминания имен вождей, ставших объектом критики, и даже стран, в которых, как считали обвиняемые и подсудимые, "лучше, чем у нас". На полях специальных сообщений в Прокуратуру СССР об аресте подозреваемого напротив цитат из документов можно время от времени встретить следующие пометки высокопоставленных прокурорских чиновников: "Напрасно полностью фамилии (критикуемых руководителей партии и государства. - *В.К.*) указываются в сообщениях" [ГАРФ, оп. 31, д. 86071, л. 1, 2]. Подобная цензура сначала распространялась только

² Оценка получена путем умножения средней численности подпольной группы или организации (3,6 человек) на общее число групповых дел.

на открытые документы (судебный приговор), а затем (уже в 1960-х-1970-х годах) очередь дошла и до закрытых служебных документов. Документы надзорных производств Прокуратуры СССР все больше использовали маловразумительные ярлыки ("антисоветская", "реформистская", "ревизионистская", "политически вредная") и избегали каких бы то ни было подробностей, что в ряде случаев предельно затрудняет идеологическую идентификацию деятельности "антисоветчиков".

Власть и ее оппоненты: динамика конфликта-1

После смерти Сталина советская юстиция отказалась от безумной инквизиторской концепции, по которой признание обвиняемого считалось "царицей доказательств". В свое время именно при ее помощи был проложен путь к массовым беззакониям и репрессиям. В середине 1950-х годов обязательным требованием стал сбор основных доказательств (свидетельские показания, вещественные и письменные доказательства, заключения экспертиз и тому подобное). Принималась во внимание возможность самооговора обвиняемого - из желания скрыть более тяжкое преступление, в силу моральной подавленности или просто непонимания сущности предъявленного обвинения из-за неграмотности.

После издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1956 года "О подсудности дел о государственных преступлениях" произошло упорядочение практики осуждений и вынесения приговоров. Политические дела, включая их наиболее многочисленную группу (об антисоветской агитации и пропаганде), стали рассматриваться в подавляющем своем большинстве в общегражданских судах, где в 1957 году было осуждено 94,6% из общего числа приговоренных за контрреволюционные преступления [ГАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 4]. В 1956 году эта цифра составляла 50%, в 1952 - 21,4%, в 1947 - 12,3% [ГАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 3]. Остальные приговоры выносили так называемые "специальные суды", в частности военные трибуналы.

В сталинские времена обнаружение во время обыска в личной библиотеке обвиняемого нескольких книг, брошюр и даже газетных статей "врагов народа" было достаточным основанием для жестокого приговора. Хрущевская юстиция внесла в интерпретацию положения о хранении антисоветской литературы новый, более либеральный акцент. Отсутствие данных о *распространении* такой литературы указывало теперь на отсутствие "контрреволюционного умысла", а следовательно и на отсутствие состава преступления.

В первые годы правления Хрущева типичной ошибкой в квалификации преступления (а точнее, все-таки репрессивной инерцией режима и его слуг) было подведение под "антисоветскую" статью самых обычных хулиганов. Они, чаще всего в нетрезвом состоянии, в общественных местах или уже в милиции, "допускали высказывания", которые без достаточных оснований квалифицировались как антисоветская агитация. Хрущевское правосудие при квалификации подобных действий исходило из необходимости доказательства "контрреволюционного умысла". Прокуратура СССР требовала "данных о высказывании... антисоветских настроений в другое время" [ГАРФ, оп. 32, д. 6333, л. 63]. У разбушевавшихся пьяниц и хулиганов, получивших в кутузке синяк и обозвавших за это сотрудников милиции "фашистами", теперь появился шанс заслуженно отсидеть несколько суток за хулиганство, а не несколько лет за "антисоветскую агитацию" - дело обычное в сталинские и ранние хрущевские времена.

Особую "заботу" советской власти и ее карательных органов во все времена составляли "контрреволюционные организации". В послесталинской интерпретации статьи 58-11 УК РСФСР практически не появилось каких-либо новых либеральных моментов. "Не обязательно, - считала Прокуратура СССР, - чтобы контрреволюционная организация или группа имела твердо выработанный устав, членские билеты

и так далее". Главное, что "обвиняемые *сознают* (курсив мой. - В.А.), что действия га направлены против Советского государства, что они действуют вместе-в силу общности своих убеждений и для облегчения своей преступной деятельности" [ГАРФ, оп. 32, д. 6333, л. 64]. Всякая организационная деятельность, "направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений", считалась признаком создания контрреволюционной организации. Так как в законе отсутствовало определение понятия "контрреволюционная организация", это давало простор для произвола.

Некоторые изменения произошли в квалификации другой разновидности особо опасных государственных преступлений — террористических актов (статья 58-8 УК РСФСР). Для того, чтобы квалифицировать насильственные действия (убийства, телесные повреждения, истязания) в отношении представителей власти как террористический акт, теперь требовалось доказать наличие "контрреволюционного умысла". При Хрущеве впервые признали возможность "лично-бытового характера" подобных действий, и избивание председателя колхоза ревнивым мужем перестало считаться государственным преступлением.

Расширительная интерпретация термина "террористический акт", сплошь и рядом имевшая место в сталинские времена, во второй половине 1950-х годов встречалась все реже. Но время от времени Прокуратура СССР все-таки фиксировала всплески этого сталинского синдрома [ГАРФ, оп. 32, д. 6333, л. 64]. Из 14 изученных Верховным судом СССР приговоров 1957 года по делам о террористических актах только в 3 случаях люди были осуждены за конкретные действия. Остальным было предъявлено обвинение в покушении на террористический акт «за выражение в письменной или устной форме так называемых "террористических намерений"» [ГАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 13.].

Предсказуемые "правила игры" во взаимоотношениях населения и власти - вот то новое, что пришло во второй половине 1950-х годов на смену сталинскому режиму, хотя сама природа коммунистической власти не изменилась. Образно говоря, сталинская практика "чрезвычайщины", которая делала ставку на тотальное запугивание людей, была "по площадям". В этой системе отношений лояльность не являлась гарантией выживания. Личность была дезориентирована, никто не мог выработать правила "техники безопасности" для существования в подобном перекошенном мире. Хрущевская практика "законных репрессий" выбирала конкретные цели, а значит - восстанавливала более или менее ясные ориентиры социального поведения, делала последствия тех или иных действий предсказуемыми. Человек теперь знал, что "можно" и чего "нельзя" делать. Именно это (и ничто иное) создавало субъективное ощущение большей свободы. Власть меньше стала злоупотреблять законом, но сам закон не сделался от этого более справедливым. Восстанавливались нормы "социалистической законности", но сама законность по-прежнему была "социалистической" - жестокой и противоречивой.

Провозглашенная в Конституции СССР 1936 года свобода слова, митингов и собраний фактически отменялась статьей 58 УК РСФСР о "контрреволюционных преступлениях", а меры наказания, предусмотренные этой статьей, по-прежнему были сопоставимы только с наказаниями за самые тяжкие уголовные преступления (убийства, изнасилования и так далее). При Хрущеве перестали сажать совершенно невинных людей, но само извращенное понимание "вины" личности перед режимом осталось вполне сталинским. Власть ни на йоту не расширила пространства для высказывания альтернативных взглядов, но ликвидировала риск уголовного преследования для тех, кто не выходил за рамки дозволенного.

Лояльные обыватели, исполнительные бюрократы, деятели литературы и искусства, готовые следовать законам "социалистического реализма", "творческие марксисты", выращенные в совпартшколах и не выходившие за рамки официальных идеологических интерпретаций, одним словом - абсолютное большинство населения страны, могли теперь вздохнуть свободно и даже позволить себе вольность легкого фронди-

рования. Один - два шага за границы дозволенного, если они сопровождались соблюдением коммунистических ритуалов и необходимыми "молитвами" о верности социализму, стали теперь допустимым риском, игрой с властью, которая могла и не закончиться тюрьмой. Для этого надо было успеть вовремя вернуться в очерченные коммунистическими правителями рамки, научиться правильно понимать политические сигналы и намеки. Эта новая социальная ситуация могла восприниматься как освобождение только по сравнению с временами сталинского террора, когда даже лояльность к власти не давала человеку почти никаких гарантий, а жизнь - по старому анекдоту - напоминала переполненный трамвай, в котором "половина сидит, а половина трясется и ждет, чтобы сесть".

Показательно, что власть никогда не стремилась к установлению полной ясности в "правилах игры". В известном смысле некоторая размытость юридических границ и постоянное существование зоны риска для личности как раз входили в "правила игры", держали в напряжении, повышали тревожность, возбуждали страх и мнительность у потенциальных оппозиционеров. Режим же сохранял возможность при необходимости и по собственному политическому произволу обрушить удар репрессий на ту или иную социальную группу.

Важнейшим новшеством в репрессивно-карательной деятельности властей в эпоху "либерального коммунизма" стал постепенный отказ от судебных преследований и уголовного наказания подавляющего большинства людей, "вставших на путь антисоветской деятельности", и все более широкое распространение практики мягкого давления на потенциальных оппозиционеров, так называемое "профилактирование". Обычно оно представляло собой вызов лица, замеченного в предосудительных высказываниях, для "беседы" в органы государственной безопасности, в ходе которой подозреваемого "отечески" запугивали возможными последствиями продолжения его антисоветской деятельности и отбирали подписку о полученном им "предупреждении". Для усиления "эффекта" в конкретных случаях применялись исключение от КПСС, из ВЛКСМ, из учебного заведения или увольнение с работы.

Данная мера воздействия получила официальный статус после выступления Хрущева на XXI съезде КПСС в 1959 году, когда впервые всенародно прозвучало понятие "профилактика". В целом, эта новая политика шла в контексте мер "общественного воздействия" по отношению к людям, совершившим преступления, не представлявшие особой общественной опасности. Логика была проста: чем выращивать в тюрьмах и лагерях сознательных борцов с режимом, лучше превратить своих потенциальных противников в людей запуганных, но не утративших социальной перспективы, имеющих шанс избежать уголовного наказания при отказе от крамольной деятельности.

Обосновывая новую политику, Хрущев еще в ноябре 1957 года в беседе с американским корреспондентом Г. Шапиро утверждал: "...Политические преступления стали теперь у нас редкими явлениями. Среди людей, понесших за последние годы заслуженную кару за свою антисоветскую деятельность, большую часть составляют агенты, заброшенные в Советский Союз извне" [Правда, 1957]. В этой фразе все было неправдой: как раз в 1957 году произошла вспышка судимости за антисоветскую агитацию и пропаганду, а слова об агентах были просто наглой ложью. В 1956-1957 годах за шпионаж в СССР вообще никого не осудили [ГАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 42]. Тем не менее, раз слова были сказаны, следовало стремиться к тому, чтобы реальность хоть в чем-то походила на созданный идеологический образ.

Миф о "либерале" Хрущеве, к созданию которого, как мы видели, приложил руку он сам, так же как и легенда о "консерваторе" Брежнев, возникшая в кругах столичной интеллигенции в конце 1960-х - начале 1970-х годов, нуждаются в более строгой исторической интерпретации. Ведь в историографии советского общества они до сих пор выступают в роли некой самоочевидной истины. В них заставляет усомниться документ, созданный, по-видимому, в 1988 году Председателем КГБ В. Чебриковым по поручению Горбачева (см. табл. 1).

Таблица
1

Сведения о числе лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (за период с 1956 по 1987 год)*

Годы	Осуждено по:			В среднем осуждено за год
	ст. 70 УК РСФСР	ст. 190 УК РСФСР	По обеим статьям	
1956-1960	4676	-	4676	935,2
В том числе:				
1957	1964	-	1964	1964
1958	1416	-	1416	1416
1961-1965	1072	-	1072	214,4
1966-1970	295 27	384	697	135,8
1971-1975	6	527	803	160,6
1976-1980	62	285 3	347 54	69,4
1981-1985	150	90	0	108
1986-1987	11	17	28	14
Итого	6543	1609	8152	254,8

* Подсчитано по [Источник, 1995, с. 153].

Данные таблицы 1 зафиксировали всплеск политических репрессий в 1957-1958 годах. Количество осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду в течение этих двух лет составляет 41,5% от общего числа всех осужденных за 32 года "либерального коммунизма"! На этот всплеск политических репрессий *после* XX съезда КПСС, противоречащий мифу о хрущевской "оттепели", уже обратили внимание некоторые авторы. Понимая вопиющий характер противоречия между данными судебной статистики и стереотипными представлениями о хрущевском времени, Е. Паповян, подчеркнула в начале своей статьи, что "у людей, специально не интересующихся современной историей, упоминание о репрессиях второй половины 1950-х годов вызывает удивление" [Паповян, 1996, с. 73].

Вспышка репрессий косвенно отражала глубокие противоречия в общественном сознании народа. В 1957-1958 годах интеллигентские иллюзии, порожденные разоблачениями "культы личности" и мифом о наступившей "оттепели" соседствовали с трудностями адаптации значительных групп населения к новой, негативной интерпретации недавнего прошлого. Политическая линия непредсказуемо менялась. Откровенная, в духе Сталина, демонстрация силы при подавлении советскими войсками народного восстания в Венгрии в конце 1956 года сменилась удалением в 1957 году из ЦК КПСС наиболее явных сталинистов (ставших опасными для Н. Хрущева В. Молотова, Л. Кагановича, Г. Маленкова и "примкнувшего к ним" Д. Шепилова). Все это отражало серьезные противоречия среди коммунистических олигархов и пробудило практически всех потенциальных оппонентов режима: от "истинных марксистов" и "либералов" до националистов и сталинистов.

Подавление венгерского восстания вызвало протесты образованных романтиков как марксистского, так и "протолиберального" толка. Они хотели от власти логически последовательных действий на пути к "истинному ленинизму" или абстрактно понимаемой "свободе". В свою очередь отставка Молотова, Кагановича и Маленкова ("верных ленинцев и сталинцев") спровоцировала вспышку "народного сталинизма",

вообще престолярную оппозиционность власти, проникнутую недовольством условиями жизни и традиционными для России эгалитаристскими и античиновничьими настроениями. Эта престолярная оппозиционность отнюдь не ожидала от власти логичных политических шагов. Воспринимая действительность внелогически, по законам мифа, полуграмотные "оппозиционеры" в общем-то не видели противоречия между подавлением восстания в Венгрии и отставкой "верных сталинцев". А нападки на Хрущева, обидевшего "хороших" сталинских соратников ("хороших" потому только, что они оказались не у дел; проиграл Хрущев - и ему бы достались лавры "обиженного героя"), в этой системе мышления могли вполне сочетаться с обещанием "устроить как в Венгрии".

Вообще народная престолярная оппозиционность хрущевскому режиму имела гораздо большее распространение и политическое значение, чем об этом принято писать в исторической литературе. Между тем, пребывание Хрущева у власти как бы обрамлено массовыми волнениями, имевшими более или менее очевидную престолярную окраску. Его начало ознаменовалось известными волнениями в Тбилиси в марте 1956 года, начавшимися именно под лозунгом защиты Сталина и лишь затем получившими довольно отчетливое националистическое и сепаратистское звучание. Последними же крупными массовыми беспорядками эпохи Хрущева были малоизвестные волнения в 1963 году во время празднования годовщины Октябрьской революции в азербайджанском городе Сумгаите. Бунт спровоцировало требование властей убрать из праздничных колонн портреты Сталина, которые до сих пор участники демонстраций беспрепятственно проносили перед трибунами на центральной площади города. Столкновение с властями сопровождалось выкриками "Долой Хрущева!", избиениями представителей власти, разгромом отдела милиции. Во время подавления беспорядков случайным выстрелом был ранен 12-летний мальчик.

Динамика судимости за антисоветские преступления, косвенно отражавшая изменения настроений в обществе, показывала, что наибольший рост недовольства продемонстрировал тот класс, на который власти, по обыкновению, возлагали наибольшие надежды. Доля осужденных рабочих в 1957 году резко выросла и достигла почти 50% от общего количества. Служащие и особенно крестьяне в тот же период демонстрировали, напротив, определенное социальное спокойствие. "Прочие" (единоличники, кустари, лица без определенных занятий) давали устойчиво высокую долю осужденных, непропорциональную их доле и населению страны (см. табл. 2). В 1957 году (за другие годы у нас, к сожалению, данных нет) доля маргинальных элементов среди "антисоветчиков" была велика (15,7%). Больше трети из них составляли прежде судимые (39,4%), в основном за общеуголовные преступления. 1,1% были твердыми противниками режима - они уже имели в прошлом судимость за антисоветскую агитацию и пропаганду и после реабилитации вновь попали под суд [ТАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 6, 17]. Большинство осужденных антисоветчиков представляли не интеллигенцию (растворенную официальной статистикой в расплывчатой категории "служащих"), а народный политический "андерграунд", своего рода "бульон оппозиционности".

Антисоветской агитацией и пропагандой занимались в основном одиночки (91,3% осужденных), 6% осужденных действовали небольшими группами (по 2-3 человека), 2,7% были объединены в более многочисленные организации. По мнению властей, большинство из них были "злостными антисоветчиками". 62,6% осужденных успевали до ареста совершить "неоднократные действия", после первого же эпизода попадался лишь каждый третий. На самом деле анализ наиболее распространенных в 1956-1957 годах форм антисоветской активности противоречит этому выводу.

По нашим данным, больше половины осужденных (57%) оказались в заключении просто "за разговоры", т.е. никакой целеустремленной антисоветской деятельностью не занимались, хотя и были настроены если не враждебно, то по крайней мере критически по отношению к режиму и его политике. Еще 3% "антисоветчиков" составляли наивные люди, решившиеся критиковать власть в открытую, не видя в своем

Доля представителей различных социальных групп среди осужденных за контрреволюционные преступления (в %)*

Социальные группы	1954г.	1955 г.	1956г.	1957г.
Рабочие	33,9	30,1	32,9	46,8
Служащие	20,3	24,9	24,1	18,3
Колхозники	16,7	18,5	13,4	9,9
Прочие крестьяне- единоличники, кустари, лица без определенных занятий	29,1	26,5	29,6	25,0

* Составлено по [ГАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 6].

подписанном обращении к начальству никакого криминала. 7,7% были осуждены за "хранение и распространение антисоветской литературы", т.е. в большинстве своем - тоже "ни за что". Сознательными оппонентами власти можно считать только авторов листовок и антисоветских анонимок - 31%: [ГАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 17,18].

Другими словами, в середине 1950-х годов власть демонстрировала ветхозаветное, жестокое, осмеянное еще Козьмой Прутковым и М. Салтыковым-Щедриным и процветавшее в сталинские времена, отношение к крамоле. Наказанию подлежали не только поступки, но и сам *образ мысли*. Полицейские же чиновники явно испытывали полумистический трепет перед произнесенным Словом, которое мифологическое сознание наделяет силой заклинания и проклятия.

Что же это было за Слово? Какие именно "потрясения основ" оно в себе включало? 33,7% устных и письменных "высказываний" содержали общую критику "советской власти и конституционных принципов социалистического государства (советская демократия, колхозный строй, права и свободы граждан и др.), 13,5% были реакцией на "разоблачение вредных последствий культа личности". Причем власти не отделяли тех, кому эти разоблачения показались недостаточными, от тех, кто полагал их излишними и неправильными. Главное было в том, что и те и другие "высказывались" против воли начальства, уже сообщившего народу о "правильном" образе мысли.

Те или иные решения власти в области внутренней политики обругали 27,3% осужденных, 8,2% "неправильно" отреагировали на события в Венгрии, 8% допустили "антисоветские высказывания на религиозной почве" (наверное, предсказывали скорый "конец света"), 9,3% были замечены в "буржуазно-националистических контрреволюционных высказываниях" [ГАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 17].

Устная крамола (по сравнению с письменной) отличалась значительно большей резкостью тона и выражений ("высказывания, содержащие клевету и нецензурную брань в адрес КПСС, Советского правительства и их руководителей" составили 28,8%, "террористические угрозы" в адрес коммунистов - 12,3%; 28,4% были острой спонтанной реакцией на события в Венгрии). Остальные устные высказывания в массе своей были обычным ворчанием по поводу внутренней и внешней политики [ГАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 20].

Распространением антисоветских листовок, требовавшим целеустремленности и усилий, занимались главным образом молодые образованные мужчины. Больше половины "листовочников" (58,1%) составляли люди в возрасте до 24 лет. Доля этой

же возрастной группы среди всех осужденных за антисоветскую агитацию в пропаганду была в два с лишним раза меньше (24,4%). Еще более яркую картину дает сравнение образовательного уровня: среди "листовочников" 44,8% составляли учащиеся, среди всех осужденных - только 4,6%. В 1956-1957 годах листовки в основном писали от руки (в 64 случаях из 71, включенного в аналитическую записку Верховного Суда СССР). В двух случаях использовалась пишущая машинка, трижды в дело были пущены изготовленные в Западном Берлине листовки НТС. Обычно листовки расклеивали в общественных местах или разбрасывались на территории предприятий. Разбрасыванием листовок на улице - делом абсолютно бесперспективным - молодые люди старались не заниматься [ГАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 25-27].

Чиновники Верховного Суда СССР специально изучили 108 дел о распространении антисоветских анонимных писем в 1956-1957 годах. Всего по этим делам проходило 112 человек, из них 32 человека имели в прошлом судимость (среди "листовочников" таких было гораздо меньше) [ГАРФ, оп. 32, д. 5080, л. 29]. Наиболее популярными среди анонимщиков были следующие темы³: внутренняя и внешняя политика партии, в частности венгерские события, взаимоотношения с другими странами социалистического лагеря, налоговая политика, заработная плата, пенсии, состояние сельского хозяйства, национальная политика (27,2%); клевета на материальные условия жизни в СССР и восхваление жизни в капиталистических странах (16,6%); призывы к свержению советского правительства, невыполнению его решений, расправе с коммунистами, выступление против руководящей роли КПСС (14,6%); оскорбления и угрозы в адрес руководителей партии и правительства, ответственных государственных и общественных деятелей (14,6%); "злые выпады" против советской демократии (14,6%); призывы добиваться выхода Украины, Белоруссии из СССР, передачи Закарпатской Украины Венгрии (3,3%). (С иными антисоветскими высказываниями и измышлениями - 8,6%) [ГАРФ, оп. 32, оп. 5080, л. 30].

В конце 1950-х годов отмечается тенденция к некоторому смягчению карательной политики, шире распространяется практика профилактирования. Например, из 385 политических преступников, выявленных в мае 1963 - январе 1964 года, 225 человек (58,4%) были профилактированы [РГАНИ, д. 454, л. 111]. Эти цифры еще далеки от "брежневских" пропорций, но тенденция тем не менее достаточно очевидна.

На рубеже 1950-х-1960-х годов был произведен частичный пересмотр поспешных и вынесенных вопреки "социалистической законности" приговоров 1957-1958 годов. Власть как бы попыталась загладить незаслуженные обиды, нанесенные населению. В итоге недовольными оказались некоторые руководители органов государственной безопасности. Они, как им казалось, рьяно следовали "генеральной линии", а теперь судебные органы и Прокуратура СССР поставили под сомнение качество их работы. На этой почве в ноябре 1960 года даже возник конфликт между КГБ и Прокуратурой СССР. В результате прокурор Украинской ССР был наказан за то, что покорно штамповал обвинительные заключения, подготовленные следователями государственной безопасности. Правда, в конце концов конфликт спустили на тормозах [ГАРФ, оп. 32, д. 6722. л. 135]. Но и попытки некоторых высокопоставленных чинов КГБ вырваться из клетки "социалистической законности" на простор политических репрессий против инакомыслящих провалились.

(Окончание следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. М., Вильнюс. 1992.
Безбородое А.Б. Феномен академического диссидентства в СССР. М., 1998.
Галич А. Я выбираю свободу // Глагол. Литературно-художественный журнал. 1991. № 3.

³ В процентах к числу изученных писем, формулировки официальных документов.

Гозман Л.Я., Эткиннд Л.Я. Люди и власть: от тоталитаризма к демократии//В человеческом измерении. М. 1989.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд Р-8131.

Даль В. Толковый словарь в четырех томах. Т. 2. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1989.

Даниэль А. Так начиналась "Хроника". Огонек, 1993. № 19/20.

Источник. 1995. №6.

Первые правозащитные организации Российской Федерации в 20-е годы // Отечественная история. 1995. №4.

Паповян Е., Паповян А. Участие Верховного Суда СССР в выработке репрессивной политики. 1957-1958 гг. // Корни травы. Сб. статей молодых историков. М., 1996.

Паповян Е. Применение статьи 58-10 УК РСФСР в 1957-1958 гг. (По материалам Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР в ГАРФ) // Корни травы. Сб. статей молодых историков. М., 1996.

Правда. 1957,19 ноября.

Словарь русского языка. М. 1953

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Фонд 5. Опись 30.

Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era. Princeton-New-York, 1990.

© В. Козлов, 2002